Папоротник



Анна Мирошниченко

Сказание о Папоротнике и Тёрне. Часть 1

Анна Мирошниченко
Папоротник

https://litres.ru/74825463
SelfPub; 2026

Аннотация

Славянское фэнтези, где сказка не отменяет ни боли, ни страха.

Юный резчик Велислав шёл на праздник Купалы с сердцем, полным любви, в предвкушении счастья. Но всё обернулось против — и он оказывается в Нави, мире мёртвых, где луна не заходит, а нечисть не прочь позабавиться.

Вернуть домой его способен лишь Тот, кого в селе боятся называть по имени. Но у Него свои правила, своя цена и своя, очень старая, память.

"Папоротник" — первая книга дилогии. Сказка о братстве, которое держит крепче смерти, и о правилах, которым подчиняются даже боги.

Содержание

Глава 1. Хвали ясное утро ясным вечером 5
Глава 2. Не пыл, а пуще огня жжёт 13
Глава 3. От жары и камень плачет 26
Глава 4. Дождик вымочит, а солнышко высушит 34
Глава 5. Держись за землю — трава обманет 44
Глава 6. Кошке игрушки, а мышке слёзки 53
Глава 7. Не зная броду, не суйся в воду 62
Глава 8. Пуганая ворона куста испугается 72
Конец ознакомительного фрагмента. 79

Папоротник

От автора

Дорогой читатель!

Прежде чем ты погрузишься в эту историю, мне хочется сделать несколько важных оговорок.

Всё, что ты прочтёшь на этих страницах, — исключительно плод моего воображения. Персонажи, места и события вымышлены от начала до конца. У героев нет реальных прототипов, а любые пересечения с реальными людьми или происшествиями совершенно случайны.

В основе мира лежит вольная интерпретация языческой культуры. Отдельные мотивы, образы и мифы послужили для меня лишь художественным материалом, источником вдохновения для создания атмосферы и развития сюжета. Эта книга не является религиозным, историческим или этнографическим пособием. Она не претендует на достоверность, не отражает «настоящие» древние верования и ни в коем случае не призывает к какому-либо вероисповеданию.

И, конечно, важное напоминание: злоупотребление алкоголем и курение вредят вашему здоровью.

Приятного чтения!

Глава 1. Хвали ясное утро ясным вечером

Солнце ярит в жаркий день,
И ветер листа качнул чуть тень.
Постой, не торопись в купальскую ночь.

В самой глуши русской земли стоял маленький хуторок. Он был настолько мал, что народ даже не потрудился дать ему имени — ведь зачем название каким-то пяти домам, отдельно стоящим вдали. От крупного села этот хуторок отделяло широкое поле, в котором временами пасли коров или заготавливали сено. Сейчас это поле поросло пышным летним разнотравьем: пырей вырос по пояс, ковыль серебрился на ветру, а там и сям кивали белые поповники, да парко расстелился жёлтый донник. И через поле шла длинная тропа, старательно проложенная жителями хутора, тянущимися в село за заработком и развлечениями.

Утро выдалось знойное. Солнце только показалось на небосклоне, а уже ярко озаряло окоём[1] и припекало светлую макушку парня, который своими новыми лаптями утаптывал знакомую дорогу к селу. Этому удальцу, чьи годы только набирали силу, было не занимать ни сил, ни молодости, ни

[1] Окоём — пространство, которое можно окинуть взглядом; горизонт. (здесь и далее — примеч. автора)

озорства. Как и принято у юнцов, он мыслил только о сегодняшнем счастье, которое ждало на большом празднике — совсем позабыв беспокойный взгляд матери, провожающей его в село.

Он громко напевал купаленку, недавно услышанную от старого сказителя, и его пухлые губы были растянуты в задорной улыбке. Вольные волосы, раскидываемые ласковым ветром, горели золотой рябью. Через плечо хлопец перебросил суму, и, когда он весело припрыгивал в такт своей песне, деревяшки в ней тихо постукивали.

Вторя молодцу, в небе раздалось звонкое, переливистое щебетание. Наш путник вскинул голову и, прикрывшись большой ладонью от света, сощурил свои чистые голубые глаза.

— Эгегей! — свободной рукой он махнул птице. — Жаворонок, песельник! Высоко летаешь, много видишь — далеко ли до села?

Птичка, пролетев высоко в небе, скрылась вдали, а юноша всё глядел, щурясь от солнца и тщетно пытаясь разглядеть каждое пёрышко.

«Эх, — почёсывал затылок тогда светлый молодец. — Разве может быть солнце ярче, а щебет слаще? Коли утро выдалось ясным, то и праздник удастся!»

— По-бе-ре-ги-ись! — раздался позади протяжный крик.

Паренёк слегка присел, почувствовав резко взвалившуюся на плечи тяжесть, и рассмеялся: его нагнал побратим и

навалился так, что они чудом не полетели кубарем.

— Куда же ты так рано ушёл, Велислав! — похлопывая его по спине, друг вышел вперёд. — Даже меня не дождался. Это нечестно!

Велислав с детства привык к выходкам своего младшего названого брата — и давно знал, что тот снова проспал и скоро его нагонит. Сейчас он смотрел на это лицо, полное шутливой обиды, и не мог не улыбнуться. Хоть наш путник и сам был рослым, друг его был крупнее костью, к тому же успел вымахать выше на полголовы — и со стороны они походили на сосну и дуб.

— Проснулся ты поздно. А я ждать не могу — продать надо сегодня много!

— Как же так! Мне тоже нужно продавать, — он тряхнул бочонком за плечом. — Мог бы и подождать.

— Жди толку, положа зубы на полку, Братимир, — Велислава вовсе не расстроил этот привычный мелкий спор. — Пошли уже.

Друзья продолжили свой путь вместе, оставив за спиной дым родных домов. Вдалеке раздавалось глубокое мычание коровы, а рядом, наслаждаясь летним солнцем и нежным утренним ветром, шелестела трава.

Велислав знал Братимира с самых малых лет, когда тот только стал выползать на порожек и махать ручкой соседу. Они росли бок о бок, перенимая и первые шаги, и речь, а потом вместе научились бедокурить, полоть и стругать. И так

стали неразлучны — где был один, там сразу появлялся второй. Не раз они друг друга выручали, а ежели вместе попадали в передрягу — так и получали поровну, как братья.

Они были по-настоящему близки, и это чувствовалось в каждом движении, в каждой привычке. Но кровь брала своё, и с годами всё явственнее проступала разница не только в лицах, но и в характерах. Добродушный и открытый Велислав жил нараспашку, а Братимир, повзрослев, оказался рассудительнее, чуть напряжённее и твёрже стоял на ногах. Русые волосы Братимира были темнее, и из-под них слегка оттопыривались уши. Серые глаза, едва он оттаивал, горели озорным и ненасытным любопытством к миру, а тонкие губы обрамляли большой рот, в который умещались сладкие и бойкие речи.

Как только мальцы выросли в отроков, они принялись каждый седьмой день уходить из деревни в соседнее село. А там уж находилась и работёнка, и ремесло по сердцу. Братимир прибился к пчеловоду — и вот уже второй год сам продавал мёд. А Велислав не мог оторвать взор от резчика: как кусок сухого дерева в его руках становится красивой девицей или певчим соловьём. И вот уже его пальцы были покрыты мозолями и мелкими занозами.

Сегодня парни снова шли в село, где во славу праздника Купалы развернулось пышное торжище.

— Вон, смотри! — Братимир ткнул названого брата локтём в рёбра, и тот на секунду схмурился. — До чего же девки

хороши!

Огромные ворота села Яроборского были искусно высечены из лиственницы, и на светлой древесине талантливый мастер вывел удивительные узоры. На заборе красовались очертания берёз, под которыми отдыхали нарисованные звери: зайцы, лисы, белки. По вереям[2], словно живые, плелись вырезные ветви хмеля, а сверху, с самой охлябины[3], прохожим улыбалось солнце. Створки были распахнуты, открыв дорогу такую широкую, что проехал бы целый воз. На каждой воротине красовался причудливый конь, а когда их запирали, расписные жеребцы весело бодались.

Велислав загляделся на дивную работу мастера, но тут же почувствовал, как друг дёргает его за рукав, утягивая за собой. Сразу у ворот рисовались юные селянки, все в лучших сарафанах да в лентах — хоть сейчас замуж выдавай. Они стояли в кружке и звонко хохотали так, что слышно было на всё торжище.

У Братимира глаза загорелись пылким чувством, он плутовато потёр пальцы и, полный восхищения, потянулся к девицам. Оба побратима были хороши собой, и это сложно было не заметить — высоки, крепки и статны, с большой силой в руках и сияющими улыбками на лицах, легко усыпанных веснушками, словно их в детстве целовал сам Ярило.

Как только молодцы оказались в озорном кружке, деви-

---

[2] Верея — столб, на который навешивается створка ворот.

[3] Охлябина — перекладина между вереями.

чий смех стал ещё громче, а солнце ярче и горячее.

— Мёд у меня ранний, кленовый! Говорят, слаще не бывает. Но, глядя на вас, красавицы, готов поспорить! — Братимир раскраснелся от жары, увлечённо развлекая девок своими байками, уверенный, что друг никуда не денется.

Велислав не ушёл, но и внимания селянкам не уделял — среди них не было самой прекрасной на свете. Глаза невольно искали среди снующего народа. Юноша знал, что раз она его не ищет — то он её вряд ли найдёт. Но сердце нежно трепетало от мысли, что Владилена будет на празднике и, возможно, сама судьба их всё же сведёт.

Он не нашёл желанного образа в потоке людей и, расстроенно потирая затылок, повернулся Братимиру. Тот уже поставил бочонок наземь, приобнял девчонок и, стоя между ними, льстил без умолку: мол, пчёлы трудились от души, но краше этих двух цветочков во всей округе не сыскать. Велислав лишь усмехнулся, подумав, каким же всё-таки повесой бывает его побратим.

Как птицы на одной ветке, они щебетали и даже не заметили, как он подкрался сзади.

— Оп! — и резко воткнул свои жёсткие пальцы в рёбра другу, выбивая из того воздух.

Братимир испуганно подскочил, и в ту же секунду раздался громкий раскатистый смех Велислава. Девицы сначала замерли, но увидев своего ухажёра в таком неловком положении, переливисто захихикали.

— Ты!.. — глаза Братимира метали грозные искры, он расправил плечи, нависая над проказником.

— Ладно, девчонки, — смахнув слёзы смеха с глаз, Велислав потянул друга за рукав рубахи. — Этого краснобая я забираю.

— Да я тебя!.. — они не успели отойти и на два шага, как Братимир подмял его под себя, нанося глухие удары ему в грудь и спину.

Велислав не растерялся — скинул свою суму и ухватил его за предплечья. Они сцепились по-медвежьи, пыхтели и подпихивали друг друга. Ни один не хотел уступать, и оба смеялись так, что животы болели не от ударов, а от безудержного гогота.

Возились так они недолго, пока Братимир — всё же он был чуть крупнее брата — не приподнял Велислава и почти повалил его, удерживая за руку в малой пяди[4] над землёй.

— Ладно, ладно… в этот раз ты выиграл, — Велислав стал отряхиваться, когда Братимир поставил его ровно. — Но помни: я поддавался, чтобы не посрамить тебя перед зазнобами.

На последних словах Велислав предусмотрительно отскочил на несколько шагов, схватив свою суму. Братимир тут же поднял бочонок и побежал за ним, поспешно попрощавшись с хихикающими девицами.

Друзья устремились к центру торжища, где среди ларьков

[4] Малая пядь — около 18 см

и лавочек можно было развернуть и свои продажи.

Глава 2. Не пыл, а пуще огня жжёт

До полудня было ещё далеко, но солнце уже нешутливо жарило, а воздух стал плотным, набухнув тяжёлой духотой. Липкая пыль оседала на пальцах, и, если бы не рыночная суета, можно было бы услышать, как где-то за лесом ворчит небо.

Через всё село тянулась широкая тропа, по которой в спокойные дни иногда проходила телега, но сейчас, словно в растревоженном улье, гудело торжище, и люди сновали туда-сюда. Сегодня вдоль дороги стояли череды деревянных лавок, вокруг которых и толпился народ — каждый хотел отгулять с полным размахом. У торговых мест в такой день можно было найти всё: от кваса до соли, от пряжи до пушнины. Люди приставали к ларькам, пробовали хлеб, ягоды и даже пряности, рассматривали узоры на кумачах и рушниках[5], сбившись в неплотные ряды и итогом заполнив весь большак.

Побратимы шли вглубь, и на их пути запахи усиливались, сменяли друг друга и смешивались: их окутывало теплом сдобы, зазывало благоуханием сушёных трав и приземляло сыростью глины. Отовсюду были слышны радостные крики, серьёзные торги, звон украшений и увлечённые смешки.

---

[5] Кумачи и рушники — ярко-красные ткани и полотенца с узорами.

— Лепёшки! Берите лепёшки! Самые пышные в округе!..

— Кому нужны к празднеству обновки? Онучи, лапти!..

— Добрый молодец, не хочешь порадовать любимую? Ткани, ленты, заколки — всё найдёшь для суженой!

Велислав было оглянулся, но его тут же одёрнул друг, увлекая дальше.

Ближе к площади среди общего неровного гомона рынка чётко слышались задорное бренчание гуслей и натянутый вой дудки. Скоморохи с утра пораньше развернули своё озорное бесчинство. Они играли, каждый на свой лад, плясали и распевали обрядные игрища вперемешку с похабными частушками. Их кругом обступил народ: кто для того, чтобы всем сердцем повеселиться, а кто для неодобрительного взгляда и пуганья детей плохим примером.

Молодцы прошли мимо них, еле зацепившись взглядом — надо было поспешить занять свободную лавочку. Но Велислав успел разглядеть, как вокруг двух гусельников истово вихрится девица. Её юбка, кружась, стала красным ярилом, а сама девка высоко голосила праздничные песенки о своём любовнике.

Кружи легко,
Веди рукой —
Неужто это счастье и покой?
Храню тепло былое, но день ступает прочь.

Солнце ещё не дошло до своего венца, но уже неутренне палило головы, когда друзья нашли большой пустующий

прилавок и поделили его между собой. И вот, на деревянном настиле разложились труды двух молодых удальцов, к которым тянулись не только за торгами, но и за знакомствами.

Братимир выставил перед собой бочонок, который нёс весь путь, снял с него плотную холстину — и в этот момент по округе раскинулся пленящий запах, завлекающий своей терпкостью и липкий в своей сладости. Прохожие, манимые благоуханием, заглядывали в бочонок — и видели в нём мёд настолько светлый и чистый, что он походил на расплавленное солнце. Тогда они просили пробу, и Братимир брал свой резной ковш и зачерпывал жидкую сласть — и яркие лучи освещали тянущуюся струйку, превращая её в самый бессорный янтарь. И у тех, на чей язык попадал такой мёд, глаза искрились жадностью, а в руке у них обязательно сразу появлялся горшочек или чарочка.

Пасечник обменивал мёд на мешочек соли, на клубок нитей или вяленую рыбу, а покупатели замечали лучшей работы черпак — добротный в своей крепости и изящный в своих украшениях. На лопасти были кропотливо вырезаны соты, а с черенка будто вот-вот готовы были слететь трудящиеся пчёлки. Братимир прозорливо улыбался, плюхал ковш в бочонок, не расплескав ни капли, и поднимал правую руку — там стоял его друг, склонившийся с ножиком над очередной чуркой.

Теперь человек стоял напротив резчика, который уже протянул покупателю свою мозолистую ладонь. Перед Велисла-

вом ровными рядами стояли деревяшки вида настолько изумительного, словно сами боги направляли мастера в труде. Подобно живым, на краю лавочки сидели заяц и лисица, собирался сбежать волк или взреветь медведь. Для стариков были расставлены ручные сказочные образы богов, чьи глаза могли прожечь сердце и воззвать к великим силам. Прямо на этом столе грозный Перун отважно держал меч, мудрый Дажьбог бережно хранил на ладони солнечный диск, и сильный Сварог норовил ударить по наковальне. Для детей лежали дудки-свистульки, не только искусно вырезанные, но и приметно расписанные: на каждой из них расцветал свой букет из полевых цветов. И красным высеченным коням нельзя было найти равных — они стояли не на деревянных ногах, а на четырёх колёсиках, и для каждого из них была готова маленькая телега, в которой ребятня радостно возила другие игрушки.

И вот — будь то юноша или девица, старец или дитя — всякий уходил от лавки братьев со сладостями и безделицами, счастливо шагая в праздник. И сразу Братимир, лениво отгоняя платком мух, начинал зазывно гудеть, оповещая своим глубоким басом всё торжище. К такому ладному и надёжному парню, как он, покупатели шли с охотой:

— Мёд ранний, кленовый! Попробуй — сразу влюбишься!

К лавке подошёл кузнец — в плечах его была косая сажень, а за спиной висела тяжёлая сума, полная топоров, ме-

чей и кос, и на поясе висел небольшой мешок, который увесисто брякал при ходьбе. Он грузным взглядом провёл по столу и наклонился к бочонку.

— Попробуй, не пожалеешь! Мои пчёлы знают, где цветы самые сладкие.

— Верю тебе, юнец. Отлей мне чарку, — кузнец протянул кружку. — Из железа что тебе нужно? У меня найдешь всё, а если чего и нет — будет сделано.

Братимир задумался, всматриваясь в медовую струйку. Что он мог просить? Железо нынче дорогое, даже в сравнении с лучшим мёдом.

— Добрый человек, не найдётся ли у тебя ножа? Хорошо заточенного, чтоб по дереву ладно шёл.

— Хм… — кузнец залез в свою поясную суму. — У меня есть подходящий нож, он так и жаждет работы, я прячу его в кожаный чехол… только вот ручка его совсем не сглажена. Гляди.

Возвращая кружку, наполненную солнечным мёдом, Братимир внимательно всмотрелся в лезвие ножа. Оно было длиной всего в четыре пальца, но лезвие из тёмного сплава было сведено так тонко, что на свету казалось почти прозрачным. Рукоять же из берёзы была грубо обрубана и не отёсана.

— В самый раз.

Когда кузнец ушёл, Братимир повернулся к другу, который, вырезая для маленькой девочки спящего медвежонка,

кропотливо склонился над работой и ничего вокруг не замечал. Велислав заканчивал, поэтому Братимир, чтобы не мешать, стоял рядом и лениво тёр пальцы друг о друга, стирая липкий мёд.

Белокурый юноша держал в левой руке светлый чурбачок, который уже словно начал дышать — проступала сонная мордочка и сложенные лапки. Его лёгкая и широкая душа без остатка уходила в дело — будь то ремесло или узы, — он вкладывал в каждую черту всё своё тепло, но так же легко и отпускал, стоило лишь ножу сделать последний взмах.

Управившись, Велислав передал девочке маленького мишку, а она ему — плотную льняную верёвку, на которой уже красовалось восемь узлов. Девятый, по старому обычаю, следовало затянуть самому, обмотав шнур вокруг пояса.

Братимир аккуратно, но уверенно подал брату нож рукоятью вперёд:

— Держи. А то я смотрю, ты всё тупым чиркаешь.

Велислав протянул руку и взял подарок. Край деревянной рукояти слегка поцарапал ладонь. Он только открыл рот, чтобы что-то сказать, но Братимир тут же останавливающе поднял руку:

— Не спорь.

Резчик неловко проглотил слова, почти сорвавшиеся с уст, и вместо этого кивнул:

— Век помнить буду и добром отвечу, брат.

— Вольно, братец. — Братимир мягко похлопал Велисла-

ва по затылку, стряхивая опилки, которые тот успел занести в волосы. — Пойду за водой, а то жара совсем замучила... Ты тут присмотри, ладно?

Братимир взял пустой глиняный кувшин, который недавно получили друзья при удачном обмене, и ступил в сторону, скрывшись в сутолоке.

Велислав встал и распрямился. Опоясав себя новой верёвкой, которая, по словам девочки, должна защитить от нечисти и привлекать благо, он завязал девятый узел, и крепко заткнул за ней свой новый нож — подарок названого брата.

Парень взял обрезок тряпки, который после рук Братимира пропах мёдом, и стал размахивать им у стола, отгоняя крылатых незваных гостей, роящихся вокруг бочонка, словно девки над лентами

Он стоял и слушал гомон торжища. Где-то всё ещё были слышны песни, а где-то уже началась ругань. И тут до его ушей донеслись шаловливые пересуды и хихиканье. Несколько девиц наперебой звонко причитали:

— Подойди же!

— Спорим, он тебе что-нибудь подарит!

— Там ведь не только мёд сладкий!

— Ну же, иди!

Велислав и не обратил бы внимания на этот щебет, если бы он не перебился голоском таким нежным, почти невесомым в своей мелодии, но таким твёрдым в своём убеждении:

— Нет, я не пойду! Хоть силком меня ведите, не пойду!

Ох, вовек нельзя спорить с толпой девчонок — даже если ты одна из них. Следом за её словами сорочий гам стал ещё более звонким и совершенно неразборчивым, и вот к лавке Велислава толпа подружек приволокла невиданной красоты прелестницу.

Девушка остановилась и отряхнула свою пышную юбку. Ткань белого сарафана была не так бела, как её мягкая кожа, а красные узоры на вороте и ленты на поясе и локтях не так красны, как её румянец. Волосы цвета спелой пшеницы были плотно сплетены в широкую и длинную косу, которая на солнце отливала чистым, тяжёлым золотом. Сегодня на девушке был чудесный венок из ромашек и вьюнков хмеля — он говорил не только о красоте и уме владелицы, но и о её желании найти на празднике жениха. Тень от венка игриво падала на ресницы девушки, когда она аккуратно почесала свой тоненький вздёрнутый носик и устремила взгляд светло-серых соколиных глаз на резчика:

— Здравствуй, Велислав.

И юноша обомлел. Сердце его обожгло, и он залюбовался девушкой, горделиво приподнявшей острый подбородок. Вспомнив, что всё-таки надо что-то ответить, он смущённо отвёл взгляд, но, собравшись с духом, твёрдо произнёс:

— Здравствуй, Владилена.

— Говорят, здесь самый сладкий мёд и самые прекрасные игрушки во всей округе. Правда? — она надменно осматривала прилавок.

Велислав же, пьянеющий от её спеси, не мог держаться ровно. Он лучисто улыбнулся и показал девушке на мёд:

— В этом бочонке солнца больше, чем в небе… Но в твоих очах — ещё больше. А эти игрушки настолько изящны, что каждый будет им рад. Но только твои ручки изящества полней.

Владилена уже давно привыкла к лести, особенно со стороны Велислава, поэтому она всё так же свысока смотрела на стол. Занеся нежную ладонь над деревянным зайцем, она спросила:

— Подаришь?

— Конечно.

Хлопец тут же потянулся, чтобы вручить ей игрушку, но девушка продолжила:

— Нет, не эту… — она задумчиво приложила пальчик к мягкой щеке. — Мне не нравится. Сделай что-нибудь новое.

— Конечно… чего ты хочешь?

Юный резчик тотчас потянулся за чуркой, и красавица продолжила:

— Жар-птицу хочу. Почему у тебя нет жар-птицы?

Он застыл. Владилена смотрела колко, делая больно одним только взглядом.

— Ты же знаешь… птицы мне не даются.

Велислав впервые увидел девушку с полгода назад, когда по обыкновению пришёл в село за заработком, — и сразу пропал. Соколиный взгляд пленил его единожды и навечно.

И он готов был на всё, чтобы она была рядом. Но против судьбы не попрёшь.

Уже много раз Владилена просила его выстрогать для неё птицу: то она хотела украшение-жаворонка, то безделицу-лебедя, то игрушку-сову. Но эта беда к нему прилипла с детства. Он даже пытался завести птах у себя в клети, чтобы приглядеться, как они складывают крылья, да только те либо вырывались на волю и улетали, либо хворали и умирали. А уж когда он всё же принимался вырезать пташку, всё его мастерство растворялось, будто кто невидимый дул ему в спину. Дерево не поддавалось: ломалось, трескалось, или же сами птички выходили грубыми и неказистыми.

И конечно, Владилена об этом знала.

— Ой, ты так и не справился? Беда, беда… — девица закачала головой, словно и вправду запереживала.

— Что ты ещё хочешь? Всё сделаю, что могу!

— Всё? А зачем? Хочешь со мной через костёр прыгнуть?

Глаза девушки заметали хитрые искры. Велислав на мгновение опешил, представив, как он, держа руку Владилены, прыгает через пламя… и это сулит им счастливое будущее вместе.

— Да, хочу.

— Тогда… — прекрасная селянка поправила венок. — Раз не будет жар-птицы, хочу цветок. Принеси мне из лесу цветок папоротника, и, так и быть, сегодня же наши руки перевяжут лентой. Это-то ты сможешь?

— Смогу.

Велислав не думал ни мгновения: ни о ночном лесе, ни о том, где вообще искать этот цветок. Он видел только Владилену. И не заметил Братимира, который приблизился сзади, сурово почёсывая пальцы.

— На что ты уже согласился?

Как глубока была страсть Велислава к этой девушке, так и велика была неприязнь его друга к ней. Братимир смерил Владилену строгим взглядом, но спесь её никуда не делась. А вот белокурый молодец замялся, не зная, стоит ли перечить брату, который вечно одёргивал его при первых же душевных порывах. Но разве девичий язык остановишь?

— Я попросила подарок.

— Какой подарок? — Братимир давно понял, что от этой девчонки добра не жди, и давил до последнего.

— Цветок папоротника. Он же расцветёт сегодня ночью. Вот именно такой подарок я и хочу на сватовство.

— Ты моего брата погубить хочешь? Не будет тебе никакого цветка. Вали отсюда, пока ничего ещё не придумала твоя буйная голова.

От этих слов Велислав взбеленился и схватил друга за ворот рубахи. Но Владилена уже, горделиво хмыкнув, взмахнула косой и растворилась в толпе, где её ждал щебетливый кружок.

Он устало посмотрел в злые глаза брата и сказал:

— Ты сам не свой, Велислав. Эта девка погубит тебя.

— Да что ты знаешь? Сам за каждой юбкой бегаешь!

— Даже если и бегаю, я за ними в пекло не пойду. А ты голову потерял.

Велислав разжал пальцы, но тон его остался свирепым:

— Ишь придумал — старшему указывать! Я пойду и принесу ей цветок. И стану её мужем.

— Не указываю. Я просто правду перед носом держу, раз ты дальше не видишь. Даже если ты об камень расшибёшься, она придумает новый повод поиздеваться над тобой. Не губи себя. Этой ночью в лесу скорее встретишь кикимору, чем найдёшь цветок. Сам же знаешь.

Сердце Велислава обожгло обидой, и его грудь наполнилась ядовитым жаром, готовым вырваться на брата.

— Если ночью делать нечего, пойду сейчас. Найду там папоротник и буду ждать, пока он расцветёт, хоть до самого утра.

Он решительно развернулся на пятках, намереваясь уйти, но Братимир крепко схватил его за плечо:

— Ты там счастья не встретишь, только горе.

Велислав открыл было рот, чтобы разразиться гневным криком, как почувствовал на ноге холодную тяжесть. Вокруг его щиколотки медленно обвивался уж, и прохлада его кожи проступала даже сквозь ткань онуч.

Юноша застыл и не смел спугнуть змея, который стал грузом на той ноге, что стремилась в лес. Братимир проследил за его взглядом, кивнул и, наконец, заговорил тихо и с теп-

лом:

— Видишь. Уж-батюшка в такую толпу вылез, только чтобы тебя остановить. Не гневи его.

Как бы Велислав ни хотел обрадовать любимую, не страшась даже самой тёмной ночи и самого лютого зверя — ослушаться змея было бы огромной глупостью. Ведь уж ясно дал понять — нечего ему в этот лес соваться, только беду сыщет.

Так что делать Велиславу стало нечего. Он поджал свои пухлые губы и выдохнул, безвольно опустив руки. Братимир, увидев перемену, стряхнул с его плеч пыль:

— Девок ещё много будет. А мы с тобой друг у друга одни. Не губи мне брата.

Велислав всё ещё обиженно молчал, но в уме согласился. Гнев ещё горел в груди, но вкоренившийся с детства трепет перед знаками пересилил упрямство. Матушка с малых лет учила его не гневить лесных хозяев и слушать приметы, и он, хоть и скрипел зубами, не хотел её расстраивать. Только он сдвинулся обратно к прилавку, как змей осторожно уполз за сарай неподалёку.

Неизбывно…

Глава 3. От жары и камень плачет

Приблизился полдень. Солнце нещадно пекло, рождая видимые жаркие волны, а воздух сгустился так, что даже молодёжи с трудом давался вдох.

Велислав тяжело вытер испарину со лба платком. Тени ушли под самые лапти, и на зное стало невыносимо. Ветер был хилым, едва шевелил пылинки — но даже так обжигал.

Когда только начало припекать, родители забрали ребятню по домам — и детские крики стихли. Малышня пыталась показать нрав, но сразу получила нагоняй и разошлась со слезами, которые быстро высыхали под палящим солнцем. Старики вскоре тоже не выдержали душащий напор солнца и, причитая во славу богам, поковыляли в тени. И так шум торжища постепенно стихал.

Какое-то время среди лавок ходили только сильные молодые люди — закупались припасами, делали заказы или даже ворковали с зазнобами. Пыль улеглась, и кузнечики устало стрекотали, отсчитывая шаги последних уходящих.

Братимир кряхнул, закинув почти пустой бочонок мёда за спину:

— Всё, брат. Снесём остаток старосте под навес. Там и пересидим, пока жарища спадёт. Нечего мёду на солнце преть.

Юноши собрали нажитое сегодняшним трудом. Мёда и деревянных игрушек сильно поубавилось, зато появилось

много других вещей: глиняные горшки и утварь, ткани и вышивка, вяленая рыба и творог. Пока они всё это раздобыли, успели выпить несколько больших кувшинов воды — голосить и работать в такую жару становилось всё труднее.

В стороне от торжища, почти на краю села, стоял просторный сарай. Он принадлежал старосте, и в большие праздники хозяин позволял путникам из дальних хуторов и деревень оставлять свои пожитки здесь да отдыхать. Когда ребята прибрели сюда, под навесом уже было много народу — в основном молодёжь, пришедшая издалека на заработки или сватовство. К этому люду примешались и местные, что увлеклись беседами, не заметив, как разгорелся полдень, и не хотели расходиться по домам.

Поставив свои мешки и кадушки в тени у входа, братья уселись прямо на разогретую землю. Каждый вдох давался с усилием, высушивая горло. Воздух теперь стоял почти неподвижно и обволакивал кожу, как кипящий кисель. Под навесом пахло прелой соломой и нагретой пылью. В тени воздух стоял неподвижный. Кто-то в полумраке тихо перешёптывался, а где-то на зное устало поскрипывала рассохшаяся балка сарая.

Жара забирала волю, и мысли вязли, как мухи в смоле. Велислав пусто посмотрел на лучи отвесно бьющего солнца и закрыл глаза. На веки давила густая краснота, а в ушах стоял ровный тяжёлый гул.

Не зря Купала держится на трёх великих силах: на земле,

воде и огне. Трава лечит, река скверну смывает, а огонь выжигает из человека и природы всё отжившее. Полуденный зной бьёт немилосердно — даже вековые деревья клонят головы, что уж говорить о людях. Кто с нечистой совестью — сломится, моля богов о пощаде. Кому стыдиться нечего — выдержит, вечером через костёр шагнёт да в воду окунётся. И Велислав, зажмурившись, чувствовал, как внутри что-то накаляется до предела.

Пока он перекладывал в уме тяжёлые мысли, шепотки народа постепенно наросли, слившись в невнятный гул. В юноше назойливым червяком шевельнулось любопытство, и он лениво открыл глаза.

Проследив за бичующими людскими взглядами, он повернул голову на пыльную площадь напротив сарая. Там, шатаясь, падая и снова вставая, плёлся парень.

— Почему он не ушёл в тень? — раздался чей-то голос у Велислава над ухом.

— Дак это же местный дурень. Не догадался, поди. Иль выгнали откуда, — ответили рядом.

Чудак еле тащился в сторону укрытия, его отросшие волосы намокли от пота и прилипли к побагровевшему высокому лбу. Далеко посаженные глаза были полуприкрыты и не могли сосредоточиться на дороге. Он спотыкался без сил, а на его пройденном пути не было видно ни одного тенёчка.

У Велислава горло свело от увиденного, и он решительно поднялся.

— Куда ты? — вслед за другом сразу встал и Братимир.

— Как куда? Помочь бедняге.

— Ты с дуба рухнул? Не слышишь, что про него говорят? — Пасечник преградил дорогу, встав поперёк тропы.

Местные, затесавшиеся среди народа в сарае, уже разнесли молву — и Велислав всё слышал. Этот несчастный — здешний простец, которого нарекли порченным, дурным глазом, карой самих богов. Лета назад, когда мать увидела, что её сын растёт, но не взрослеет, отвела его к знахарке — та лишь развела руками. Отец выгнал их двоих взашей. Матушка не выдержала своего горя и общих пересудов, да утопилась. С тех пор бродил дурень один. Его боялись, сторонились, но еду у порога оставляли — чтоб не гневить духов, что в нём поселились. Так он со своей бедой и выживал.

На Велислава накатила горячая ярость. Он сегодня уже склонился перед судьбой, покорился знаку, сжал зубы и отступил. Но сейчас он видел не цветы и не приметы. Человек перед ним страдал, и Велислав чувствовал, как внутри у него что-то трещит — он не мог спокойно смотреть на чужую боль и несправедливость.

Братимир же стоял стеной, сведя брови, сжав челюсти и держа руки в напряжении — словно был готов схватить брата в любой момент.

Пекло давило на виски, страх стиснул глотку. Камень терпит, пока не треснет — и где-то внутри Велислава что-то лопнуло.

— Отойди.

Голос прозвучал тихо, но его рука уже легла на плечо друга, твёрдо и настойчиво прося пропустить. Братимир посмотрел ему в глаза — и увидел там то же упрямство, что и в детстве, когда тот не бросал раненого зайца или кормил ободранного чёрного кота.

— Твоя воля, — буркнул он, напряжённо отойдя в сторону.

Велислав в два шага оказался рядом. Пальцы сомкнулись под локтями дурня, но, чувствуя, как тот клонится, резчик перекинул его обмякшую руку себе на плечо и обхватил за пояс. Тело парня оказалось тяжёлым и податливым, словно туго набитый мешок с мукой. Велислав почувствовал, как жар исходит от его спины сквозь пропитанную потом рубаху, отвёл под тень стрехи[6] и осторожно усадил на землю. Толпа, охнув, тревожно расступилась. Велислав только поправил ворот, отирая ладонью грязь с шеи.

Чудак едва втягивал горячий воздух, грудь вздымалась редко и тягостно. Взглядом он скользил, не задерживаясь ни на чём, не понимая ни того, что видит, ни того, что слышит. Велислав потянулся за полным кувшином.

— Постой, — ладонь Братимира легла ему на запястье.

Брат всё с тем же хмурым видом наклонился к бочонку, зачерпнул мёду и пустил в воду густую каплю.

— С мёдом лучше.

---

[6] Стреха — навес, крыша, кровля.

Велислав кивнул и поднёс глиняный край к потрескавшимся губам бедолаги. Тот сделал несколько неуверенных глотков и, совсем ослабев, громко выдохнул и закрыл глаза. Юноша смотрел на это круглое лицо, маленький нос и покатые плечи — и видел перед собой брошенного ребёнка, а не проклятого парня. В памяти ещё был свеж образ малыша, которого он в детстве не раз затаскивал в тень, когда Братимир, заигравшись, доводил себя до изнеможения под палящим солнцем.

А за спиной разговоры становились всё отчётливее:

— Это же хлопец с хутора. Беду на нас навлечь хочет?

— И что теперь делать с этим несчастным? Так бы помер и забыли, а теперь снова с ним возись.

— Ой, что ж теперь будет…

Братимир подошёл, неспешно перебирая пальцы, и прикрыл друга от сплетен, а сам наклонился и вполголоса произнёс:

— Зря ты это сделал, Велислав. Парень мороченный, на нём метка нечистая. Горе на себя накличешь.

Он было хотел ещё что-то сказать, но запнулся, встретив строгий взгляд голубых глаз. Между побратимами повисла тяжёлая тишина. Братимир распрямился, заслонив брата спиной, и обернулся к толпе. Стоило ему только нахмуриться, как ближние тут же сомкнули губы — перечить ему не решился никто.

Велислав следил за дыханием чудака, которое постепен-

но становилось ровнее. Прохлада и мёд делали своё дело не спеша, помогая парню прийти в себя.

Коротенькие пальцы вцепились в край его рубахи. Простец медленно повёл глазами, будто выныривая из глубины, и вдруг взгляд зацепился за спасителя.

— Тихо, — чуть слышно выдохнул Велислав. — Ты в тени. Отдыхай.

У чудака дрогнули губы, и голова потянулась к плечу спасителя. Цепкие руки обвились вокруг него — как дитя, что нащупало берег после долгого заплыва — отчего стало мокро и ещё жарче. Велислав не дёрнулся. Он почувствовал, как горячее дыхание обжигает шею, и его ладонь сама легла на взмокшие волосы, еле касаясь и поглаживая медленно, поотечески.

По сараю волной пронеслись перешёптывания и ахи, а потом мгновенно оборвались. Бабы спрятали взгляды в подол, а хлопцы, ещё минуту назад переглядывавшиеся с ухмылками, теперь переминались с ноги на ногу, будто земля под ними стала зыбкой. Братимир стоял рядом, как столб, широкоплечий и неподвижный, в напряжённом молчании, и с высоты своего немалого роста оглядывал притихшую толпу.

Первая большая капля упала на раскалённый камень и скатилась, как вымученная слеза. Ленивый ветер набирал силу и медленно заволакивал небо редкими серыми тучами.

Дождь всё быстрее шлёпал по нагретой земле, выбивая в пыли маленькие ямочки и наполняя воздух влажной, тяжё-

лой пылью. Велислав нервно почесал затылок и поднял голову. Вода коснулась его щеки, тёплая, щекотливо сбегающая вниз. Он вытер мокрый след тыльной стороной ладони и посмотрел на брата. Братимир глянул на него да лишь коротко и сухо кивнул. Он отвернулся к дороге, где уже показывались первые люди, спешившие к вечернему гулянью.

Грязный пар оседал на плечи Велислава, заменяя собой осуждающие взгляды. Он вздохнул полной грудью и всё ещё смотрел на брата — даже видя только его напряжённую спину, Велислав понимал, что тот раздражённо перебирает пальцами.

Глава 4. Дождик вымочит, а солнышко высушит

Как только серое покрывало оградило землю от палящего солнца, из домов и сараев, точно из разорванного мешка зерно, высыпались люди. Все галдели, снова о чём-то договаривались, а старшие уже направляли юнцов на подготовку к празднику. Снова из ниоткуда явились скоморохи — этот чудной народ не проймёт ни зной, ни мороз, ни общий мор.

Толпа быстро поредела: народ, кряхтя, разошёлся по своим делам, и братьев уже никто не замечал — забот у сельских хватало и без новых причуд. Сам бедолага уже смотрел на них ясным, хоть и навеки наивным, взглядом.

Велислав выпрямился и подал ему руку, помогая встать.

— Как тебя зовут хоть, дружище? — резчик ярко улыбался, стряхивая невидимую грязь с покатых плеч нового знакомого.

В ответ он услышал радостное, но совершенно невнятное бормотание. Горемыка мычал, будто его язык, будучи больше рта, застрял где-то между мыслью и звуком. Он пытался показать что-то, ребячески размахивая руками — но смысл и этих движений остался для Велислава тайной.

— Хорошо… — он смущённо усмехнулся, перебирая пальцами волосы на затылке. — Ну, раз уж ты без рода да

без двора — будешь Бобыль.

Глаза чудака налились слезами — и Велислав было хотел забрать свои слова обратно, решив, что тому обидно. Но Бобыль только широко улыбнулся, показав свои мелкие зубы, и прижался к груди Велислава, заливая его рубаху горячими слезами.

— Надо было его Мизгирём назвать, больше бы подошло, — Братимир давно уж обернулся и вперил руки в боки, наблюдая за развернувшейся жалобной историей. Тонкие губы его были недовольно сжаты.

— Полно тебе, — Велислав только просиял, глядя на брата, — Кто сам ко всем лицом, к тому и добрые люди не спиной. Вот увидишь, милостью аукнется.

Он похлопал Бобыля по макушке и отодвинул от себя. Сейчас, когда толпа не сжимала их в судьем кольце, Велислав почувствовал облегчение и радость — он всё-таки вытащил парня из беды, пусть и дурня. И он знал, Братимир ворчит не из злобы на него или Бобыля, а просто не показывает волнения, снова напустив на себя строгость.

— Если вы достаточно позажимались, можем пойти помочь селянам подготовить празднество.

Велислав расплылся в улыбке, дружески обхватил обоих приятелей за плечи и, не размыкая их тесного круга, широким шагом направился к мужикам, которые что-то бурно обсуждали на окраине поляны. Выражение Братимира всё ещё было непроницаемым, но, недовольно сопя, он не сопротив-

лялся проделкам брата.

А Бобыль, будучи безоблачно счастливым на первых шагах, к середине пути стал мрачнее тучи. Он неловко вывернулся из хватки своего спасителя и замотал головой, показывая на толпу.

— Ты не пойдёшь?

Горемыка неуёмно мотал головой. Велислав быстро понял, в чём дело.

— Тогда… побудь в сторонке. Можешь посидеть на лавке. Если что приключится — зови, я помогу. Но попусту не кличь. Уговор?

Бобыль торопливо закивал, на прощание прижался щекой к рукаву доброго юноши и ушёл, скрывшись за избами. Велислав проследил за ним взглядом, а морось дождя меж тем обратилась крупными каплями.

— Вы так полюбовно обнимались, и ты его так легко отпустил? — вскинув брови, Братимир посмотрел в сторону уходящего Бобыля.

— Я его и не держал, — Велислав только легко пожал плечами. — Каждый волен идти своей дорогой, на которой встретит много даров и бед. И людей, которые их принесут, а потом так же уйдут своей дорогой.

Братимир только вздохнул и двинулся к скопищу селян, которые и не думали прятаться от усилившегося дождя. Когда братья подошли, их впустили в круг, не удостоив вниманием и продолжая разговор.

— Гроза на той стороне леса начинается, не быть костру, — говорил тощий юноша, чьи мокрые волосы рыжими сосульками свисали со лба.

— Эх, балбес, — рыжий тут же получил грубый подзатыльник от мужика, стоявшего рядом. Его волосы были такими же огненными, и нос таким же горбатым, что сразу выдавало семейное сходство. — На воду смотри. Река спокойная, пузырей от капель нет. Гроза мимо пройдёт, и дождь скоро окончится. Ду-ра-лей.

Велислав, словно тоже боясь удара, ненароком прикрыл свой затылок и посмотрел на небо. И правда — за лесными кронами виднелась зарница, но по другую руку, хоть и многим дальше, уже вовсю светило солнце. Все обсуждения в толпе пресёк староста — старец лет пятидесяти, его волосы ещё не полностью покрылись сединой, но в глазах читалась мудрость, сминающая кожу и не позволяющая прекословить.

— Так!.. переждём, не убудет. Как дождь кончится — натаскаем дров да разожжём костры. Сейчас отдыхайте от жары да веселитесь.

Толпа, послушная его слову, потекла под широкий навес, где брёвна лежали плотной стеной. Дождь не унимался, истово отбивал дробь по тёсу, проникал в старые щели. Зайдя под крышу, Велислав почувствовал мягкий запах тёплой влажной сосны.

Народ самотёком разделился, словно зерно от мякины отсеивали. Девки отошли к дальнему краю, поближе к свету,

что пробивался сквозь серую пелену. Там, переминаясь с ноги на ногу, они поправляли сбившиеся от сырости ленты, перешёптывались, пряча улыбки в ладони, и то и дело косились на парней, прикидывая, кто где стоит, да высматривая своих заглядных.

Мужики же осели у самой стены, где было посуше. Кто присел на колоду[7], кто устроился прямо на земле, подстелив полушубок или рогожу. Разговоры пошли ленивые, вразнобой, перебивая друг друга.

— Гляди, как хлещет, — кивнул на двор седобородый дед, сплёвывая в сторону. — Земля-то теперь совсем раскиснет.

— Да ладно, к вечеру просохнет, — отозвался другой, внимательно осматривая стропила.

— Ой, ну хоть прольёт хорошо, — хмыкнул третий, и сразу несколько голов повернулось к нему. — А то докука[8] мне от моей уже. Всё говорит, косу бери, лён сохнет. А я ей и говорю – богов не гневи, будет дождь на Купала! Эх, дурёха.

Смех, тяжёлый и довольный, катался по ряду. Парни подталкивали друг друга локтями, спорили о том, какая верёвка надёжнее, чей топор крепче, вспоминали, как козёл утащил у старосты шапку. Голоса сливались в единый гул, тёплый и живой.

Братимир рядом ввязался в спор о том, какое лыко прочнее в лаптях, размахивая руками так, что чуть не задел со-

---

[7] Колода — короткое толстое бревно или его обрубок.

[8] Докука — надоедливая просьба или беспокойство, доставляющее хлопоты.

седа. Велислав слушал, опершись плечом о сырое бревно, и проказная капля шлёпнула за ворот ледяным тычком. Досадливо потирая шею, он оглянулся — и увидал под другой, небольшой стрехой бочки, стоящие одна на другой. На верхней сидел ворон, укрывшись от дождя под навесом. Он не сводил глаз с людей.

Велиславу чудилось, что он встретился взглядом с вороном; что тот смотрит на него, уговаривая на что-то. Но юноша будто никак не мог расслышать его наказа через дождливую пелену. Птица взирала пристально, не отпуская взгляда.

И тут, не дождавшись ответа от Велислава, ворон громко гаркнул — да так, что теперь на него обернулась вся толпа. Под навесом повисла плотная тишина. Только потом староста кашлянул:

— Так! А кто уже выкатил бочки? Хотели, чтоб питьё пропало? — толпа притихла, услышав его ворчание, и он махнул рукой. — Ай, ладно. Зовите девок, пускай по чарам разольют. Остальные бочки не трогайте! Пусть в погребе потёмок ждут.

— Во, Ждан, это другое дело! — седой мужик, ровесник старосты, зычно хлопнул его по плечу. — А то всё «кто» да «кто»! Харе ругаться, наливай!

Народ одобрительно загудел, и девицы уже весело запорхали, разливая хмель. Легко снуя меж лавками, юные лебёдушки почти не намокли, когда закончили подавать питьё да пускать жгучие стрелы очами.

Ждан поднял руку, призывая к тишине. Рядом стояла его жена — тихая, поседевшая женщина в потёртом платке. Чары замерли в руках. Он говорил тихо, с хрипотцой, но под навесом сразу повисла тишина — его слушали, не перебивая:

— Первая капля — корням, что в земле сокрыты да род держат. Пускай предки спят спокойно, а нам, живым, колос этой осенью по пояс дадут.

Он наклонил чару, бережно поливая землю хмельным, а затем повернулся к лесу:

— Вторая капля — Хозяину Леса, что берёт по мере, да не милует без правды; чей дар суров, да слово не кривит.

И накренил сосуд к чаще, пока не осталось в нём ни капли. Жена, подсуетившись, уже подавала ему полную чару. Ветер тряхнул кроны, и сквозняк пролез под крышу, обдав спины мужчин необычным для лета холодом.

— А третья — нам, живым. Пейте, люди. Пока старшие не гневаются, да мы своё дело помним — будем здравы.

Староста сделал первый глоток. Едва он вытер рукавом рот, тишина под навесом рассыпалась. Навес оглушил хриплый хохот, загрохотали деревянные ковши, и мужики, толкаясь локтями, жадно тянулись к хмельному. Ветер завывал, суясь под рубахи, да стеная в уши. Дальше каждый пил за себя.

Велислав сделал два смелых глотка и почувствовал, как хмельное тепло расходится по груди. Сквозь общий гул он

повернул взгляд на брата. Тот скривился, отнимая от уст чашу.

— Горько, — прохрипел Братимир и недовольно дёрнул плечом.

— Тебе после мёда всё горько, — Велислав усмехнулся, пихнув друга в бок, и на их лицах появились расслабленные улыбки.

Велислав окинул взглядом галдящих мужиков. Рыжий парень теперь сидел рядом с отцом, и они, выпивая, снова горячились о чём-то своём; кузнец неторопливо рассказывал историю, откинувшись на брёвна; а чуть дальше старики уселись в тесный круг, смеясь и припоминая дни, когда их ноги были быстрее, а спина — ровнее.

Кто-то хрипло смеялся, перебивая сам себя. Ковши стучали о дерево, кто-то напевал вполголоса старую плясовую, сбиваясь на ходу. Девки перешёптывались, поправляя мокрые косы. Мужики расстегнули вороты, откинулись на брёвна, вытирали ладони о штаны. А меж брёвен скользили скоморохи, не шумели, лишь плели на уши такое, что девки краснели, пряча лица в ладонях, а иной мужик и питьём поперхнулся.

Подошёл мужчина немного старше братьев — начал расспрашивать Братимира про мёд и пчёл, удивляясь, как тот собрал столько первого взятка. Братимир, что редко давал слову остыть, теперь что-то упорно объяснял, размахивая свободной рукой. Велислав отхлебнул пива и загляделся в

кружку: как янтарная пена оседает, как капли медленно стекают по краю, как терпкий запах поднимается к лицу, и его временами разгоняет ветер.

Нашлись пустые кадки. Братимир толкнул брата в плечо — мол, пошли, присядем. Они перевернули кадки вверх дном, уселись, и вокруг них тут же сомкнулся круг молодых хлопцев — парней лет шестнадцати-двадцати, задорных и шумных. Велислав делился опытом, как батя учил его за землёй смотреть, а двое парней взахлёб рассказывали, как у них в селе пашут. Братимир сидел напротив, закинув ногу на ногу, и с серьёзным видом объяснял что-то, показывая руками порядок действий.

Скоро кто-то притащил потёртую доску с таврелями. Играть охотников нашлось немного — то ли хмель мешал, то ли правила сложны. Но один, самый настырный, всё-таки уговорил Братимира: многие были наслышаны о его крепкой хватке, несмотря на юность. Велислав тоже пару раз сел за доску — играл разумно, но без чудес, то выигрывал, то проигрывал. Братимир же ходил так, словно проиграть просто не умел, быстро загнал соперника в угол, а потом ему и вовсе наскучило:

— Князь в полоне[9], — зевнул да пошёл дальше болтаться.

Луч солнца, пробившийся сквозь серые облака, осветил пыль, поднявшуюся в воздух. Дождя уже почти не было

---

[9] «Князь в полоне» — авторская интерпретация выигрышной комбинации (мата) в таврелях.

слышно, он лишь слабо моросил, и только звонко, размеренно капало со стрехи.

Смеясь над шуткой нового знакомого, Велислав нашёл глазами брата. Тот смотрел в его сторону — немного отсутствующе, будто сквозь него. Но, поймав взгляд Велислава, Братимир очнулся, улыбнулся и указал пальцем куда-то за его спину.

Велислав обернулся. Над рекой, разрезая серое небо, стояла радуга.

Глава 5. Держись за землю — трава обманет

Дождь ещё недолго моросил, а потом и вовсе стих. Староста, почуяв перемену, поднялся. Он не повысил голоса, но одного его взгляда и спокойного жеста хватило, чтобы мужики смолкли. Болтовне конец — пора за работу.

— Ты, ты и ты, — староста поочерёдно указывал пальцем на юношей и мужиков. — Несите из-под навеса брёвна для главного костра. Вы двое — веток на малые костры натаскайте. А вы трое — верёвки и чурбаки для игрищ…

— Ты, — наконец, он посмотрел на Велислава. — Сбегай к колодцу, принеси медовухи холодной да воды набери. Вёдра у того столба возьмёшь.

— А ты, — перевёл взгляд на Братимира. — Глянь там, собери сухих шишек да смолы с деревьев.

— Марфа, — строго кинул он жене. — С девками сама разберись, мне некогда. Остальные — за мной.

Велислав нашёл глазами вёдра. Две деревянных бадьи, уже внешне потрёпанные трудом, но не расслабившие клёпок. Хмельное питьё что-то устало шептало в голове, когда он сделал шаг в их сторону.

— Что высматриваешь? Думаешь, не унесёшь? — колкая насмешка Братимира заставила его обернуться.

— С чего это? Унесу — и не такое носил!

— Ну так если и унесёшь, то будешь ползти, как улитка, да? — Братимир с лукавой ухмылкой закинул локоть брату на плечо. — Спорим, ты даже полдороги с этими вёдрами не пройдёшь, как я уже и все дела закончу, да с девками побегу баловаться?

— Выдумщик ты, — Велислав протянул тяжёлую ладонь. — Спорим.

— Проигравший после праздника моет победителю ноги.

— Уговор.

Пожав руки, они разошлись в разные стороны. Каждый из них сделал вид, что поспешность ни к чему, и ему хватит силы и ловкости, чтобы справиться быстрее брата. Наклонившись к вёдрам, Велислав снова почувствовал, как хмель щекочет мысли, а на плечи падает тяжёлый взгляд. Но, обернувшись, увидел лишь, как весь народ торопливо расходится по своим поручениям.

Велислав взвалил на плечо коромысло с пустыми вёдрами и быстрым шагом направился к окраине села. Ему предстояло пройти вдоль лесной опушки, туда, где в прохладной тени вековых дубов притаился старинный колодец. Говорили, что вода в нём летом морозит зубы, а зимой не знает льда, оставаясь живой и тёплой от дыхания земли. Селяне шептались, что над тем местом устроился Хозяин Леса, да наблюдает — поэтому нет там власти ни у стужи, ни у зноя, ни у времени.

Юноша в уме признал правоту брата — обратная дорога с

полными вёдрами и к привесу медовухой обещала быть тяжёлой. И он распорядился так: до колодца нужно добраться как можно скорее. Весь путь он смотрел лишь вперёд, проносясь мимо леса, не замечая ни вязкой земли, ни шелеста листьев.

У колодца стояла звонкая тишина, нарушаемая лишь каплями со стрехи. Велислав поставил вёдра на влажный мох и ухватился за мокрую бечёвку. Вервь натужно скрипела, и из чёрной глубины пошла вверх мокрая крышка, а за ней — липовый бочонок, густо покрытый росой. Хлопец снял его, поставил у сруба и, перехватив верёвку, пустил пустое ведро обратно в холодную темноту.

Солнце нежно играло на ресницах полуприкрытых глаз, и уставший скрежет колеса заполнил кусок поляны, окружённой колючими кустами. Чистое дуновение подземных вод примешивалось к старелому запаху песка и стёртых лаптей. За лёгким шорохом далёких листьев пришёл скорбный треск шипастых порослей вокруг и принёс с собой едва ощутимый привкус кислой соли. Велислав вспомнил большую глиняную чашу, из которой он каждое утро умывался. И длинный зимний вечер, когда матушка её лепила.

В тёплой избушке раздавался тихий смех двух мальчишек, когда Братимир измазал Велиславу щёку грязной холодной жижей. Матушка ласково перехватила пачканую ручку Братимира, перетягивая внимание шалунов на себя. Она лишь кивнула на глиняный тазик у своих ног, где уже угады-

вались очертания чаши, и мальчишки тут же поняли — пора смотреть и повторять.

Матушка мягко касалась глины, придавая ей форму, вминая, вытягивая и выравнивая. Дети, заранее получив по кусочку для себя, подражали точь-в-точь. Велислав, насупившись от сосредоточенности, катал из глины толстые жгуты, пытаясь свернуть их в подобие кружки. Братимир не пропустил ни одного движения матушки — и разляпал глину сначала по своим рукам, потом по всему себе. А когда места на своей рубахе не осталось — принялся так же тщательно умазывать друга.

Матушка не ругала мальчиков даже взглядом. Только, отправив чашу в печь, шла умывать детей. Когда батюшка Братимира забирал загостившегося сына, малой был уже чистый, в опрятной недавно зашитой фуфайке. А Велислав, наигравшись вдоволь, всё ещё мокрый засыпал на печи.

Верёвка дёрнулась, когда колодезное ведро коснулось воды, и оно торопливо набралось, снова обретя вес. Рядом всё ещё не было ни души — несмотря на близость леса, здесь не пели даже птицы, не пробегало даже мыши — поэтому, закручивая воротило обратно, Велислав продолжил предаваться детским воспоминаниям.

Матушка не всегда была немой, но сейчас Велислав бы и не упомнил её голос. Те времена, когда она рассказывала ему сказки и пела колыбельные, остались далеко — за дымкой мрачных дней, укравших крупицы былого счастья. Велислав

был слишком мал, чтобы хорошо помнить ту пору, но сквозь тёмный туман он иногда старался расслышать звук матушкиного голоса и смех сестёр.

Велислав поднял тяжёлый ушат, наполненный до краёв, аккуратно перелил воду в ведро и спустил опустевшую ёмкость обратно в колодезную яму.

Несмотря на немоту, его мама — сильная и добрая женщина — после пережитых несчастий смогла поставить на ноги не только самого Велислава, но и Братимира, потерявшего родную мать.

Они жили в соседних домах, поэтому дружили и раньше. Но после беды, павшей на хутор, стали одной семьёй. И когда младший перешагнул порог отрочества, они решили, что им мало просто ходить под одним небом — заключили побратимство.

Под одинокой берёзкой, связав запястья матушкиной лентой, они прислонились друг к другу лбами. Щёки Братимира были ещё красными после недавних слёз. Заикаясь, но не мямля, торжественно-тихо он клялся:

— Я не брошу тебя одного и не отпущу... Моя тень всегда будет на одной земле с твоей. Если скажут выбирать — я выберу тебя.

Велислав остро чувствовал своё старшинство. И как старший брат, он увереннее, без запинки проговаривал каждое честное слово:

— На какой бы стороне ты ни оказался, я буду с тобой.

Что бы ты ни выбрал, я встану рядом. Если дорога станет тяжёлой, я понесу половину. Я закрою тебя от беды, даже если придётся принять удар.

И тогда они вместе обещали друг другу, проговаривая в один голос: «Отныне наш шаг — один. Мы не отступим, не оставим, не разорвём этот узел, куда бы ни легла дорога. Мы идём рядом, делим одну долю. Пока едино ступают ноги — тропа наша верна».

Прошли годы. Парни вытянулись и возмужали. Нашли ремёсла по душе и начали таскаться за девками. Но ни разу не усомнились в своей клятве, ибо она всегда была для них и кровом, и дорогой.

Наполнив оба ведра водой, Велислав перекинул через левое плечо верёвку с липовым бочонком, а на правое взвалил коромысло. Он не мог задерживаться — к сегодняшним напастям ещё не хватало проиграть брату.

Теперь Велислав не мог идти быстро, и рассматривал лес неподалёку и землю под ногами. Хоть дождь и прошёл, но он был слишком коротким, а жара слишком сильной, и земля осталась еле влажной. Пырей на опушке был высоким, а деревья такими частыми, что вглубь леса отсюда было почти невозможно заглянуть.

Велислав был ещё так далёк от села, что даже не видел сельской возни, как услышал за собой сухой кашель:

— Кх-кх… Хлопец, погоди.

Юноша остановился и обернулся медленно, не размахи-

вая тяжёлым коромыслом. За ним стоял старик — худощавый, но в нём, приглядевшись, можно было разглядеть черты былого удальца. Плечи, которые сейчас были просто костями, обтянутыми кожей, даже сейчас казались широкими. А спина, пригнувшаяся к земле, явно раньше принадлежала очень статному мужчине. Старик с головой накрылся тёмным мятлем[10]— Велислав удивился, как можно запахиваться в такую жару. И сердце его от чего-то заколотилось в самом горле.

— Здравствуй, дедушка, — заикнувшись, Велислав низко склонил голову, крепко удерживая коромысло. Вода плеснула о стенки, но юноша удержал равновесие. — По какому делу кличешь?

— Помощь нужна твоя, внучок, — голос старика был слаб, и Велислав сделал пару шагов к нему навстречу. — Ночь сегодня особая, и земля силами напьётся. Ищу я хлопца, что лечебных трав соберёт, да мне в избушку принесёт. Я сам же тебе поляну покажу, не бойся заблукать. Спина моя старая только совсем не держит, не могу я к землице кланяться.

Велислав и сам знал силу купальских трав. Матушка не раз показывала ему, как в эту ночь стебли наливаются особой, целительной силой. В груди его поднялся порыв, и он кивнул.

---

[10] Мятль — широкая верхняя одежда (дорожная, осенняя и зимняя), похожая на плащ или мантию.

— Да чего там, дедушка, помогу.

— Только ты один и сгодишься, — старик перебил его, желая поставить точку в решении Велислава. — Остальные уже осквернились сегодня: ругались да пили.

Велислав замер, обдумывая слова старика. Вспомнился хмель, выпитый под дождём. Да и утренняя стычка с Братимиром всё ещё лежала тяжестью на сердце. Юноша плотно сжал губы. Траву нечистыми руками нельзя рвать — толку не будет, а вот беду на себя и на знахаря навлечь проще простого.

— Прости, дедушка, — выдохнул он, опуская взгляд. Вёдра тихо качнулись. — Не могу я. Я сегодня тоже… и хмель пил, и с братом спорил.

Старик нахмурился, губы его дрогнули, и Велислав видел, как с них что-то сорвалось. Но услышал он только:

— Ква-ак.

У ног старика сидела большая лягушка и своим неестественно громким, надрывистым кваканьем перебивала вымученный хрип. Велислав вздрогнул, дед осёкся. Через пару мгновений липкого молчания старик снова открыл рот, но слышно было только булькающее:

— Ква-ак!

— Кх-кх, — Велислав откашлялся, вежливо подавив смешок. — Прости, дедушка. Ищи другого, пока свет есть.

Старик дёрнул плечом и обречённо вздохнул, а Велислав за своей спиной услышал только:

— Ква-ак!!

От такой смешной нелепости и неловкости зазудел затылок, но руки были заняты, и он ускорился в сторону села.

…слабовольно…

Глава 6. Кошке игрушки, а мышке слёзки

Велислав откусил большой кусок горячей лепёшки, от которой ещё пахло костром, и, почти не жуя, запил её прохладной горьковатой бражкой. Отслонившись от кружки, он протяжно выдохнул и с наслаждением оглядел поляну.

Девки крутились возле маленьких костров, кашеваря и напекая пышки. Владилена так старалась, что чуть не обожгла кончик своей длинной косы — и быстро огляделась по сторонам, как бы никто не увидел. Велислав стоял далеко, поэтому его она не заметила и, махнув рукой, побежала дальше стряпать.

В реку заходить было рано, а вдоль неё стояли ворожеи и волхвы — заговаривали воду, читали знаки, раскладывали судьбу села. Все они высохли и сгорбились под тяжестью лет. Но среди них Велислав не углядел никого в чёрном, и на душе стало не по себе: а нашёл ли тот старик себе помощника?

Дети бегали то там, то сям: огибали пожилых, мешались под ногами у молодёжи, кричали песенки, недавно услышанные от скоморохов, смеялись, поднимая над головой аржанец[11] и цепляя на рубахи стебельки лепучника[12].

---

[11] Аржанец — тимофеевка луговая.

[12] Лепучник — подмаренник цепкий.

Брёвна на главный костёр сволокли, но пока не поджигали — ждали темноты и указа старосты. Юноши и мужики перекусывали, пили и громко переговаривались, постепенно кучкуясь для игрищ.

— Надо будет в боях поучаствовать, — Велислав ткнул локтём в рёбра друга. — Может, хоть в них не оплошаешь.

Братимир только недавно перестал кукситься, но теперь снова закатил глаза.

— Молчи, а. Я же сказал, что лес не хотел живицу отдавать, вот и пришлось поплутать. Не то что тебе тут пройти-то, — он отхватил зубами от лепёхи и с набитым ртом продолжил. — Ещё и пальцы теперь горечью воняют.

— Спорить тебя никто за язык не тянул. Давай, доедай быстрей, да пошли — вон мужики уже сходятся.

Велислав запихнул в рот остатки лепёшки и залил всё это хмельным.

— Да и мне надо успеть ноги хорошенько запачкать, — он пихнул Братимира в бок и пошёл вперёд, где брёвна огораживали площадку для игрищ.

Через набитый рот пробормотав что-то невнятное, Братимир побежал за другом, чтобы поспеть хотя бы в этот раз.

Когда парни вышли к поляне, там уже лежала вервь длиной не меньше сорока шагов. Волхв, только что вернувшийся от реки, сыпал зерно, наговаривая славу богам. Староста тоже приблизился, оглядел толпу мужиков и зычно объявил:

— Так! Местные идут туда, а гости — туда.

Он быстро махнул руками сначала в одну сторону от стоек, потом в другую, и пошёл к ним, суетливо доставая что-то из-за пазухи.

— Это, — он низко наклонился у середины верви, завязывая на ней красную ленту узлом, — межа. У кого она окажется — тот и выиграл.

Староста выпрямился, и щёки его стали такими же красными, как эта лента на меже. Он отдышался и, слегка покачиваясь, отошёл в сторону смотреть, как мужики выстраиваются по его указу.

— Эй, Братимир, становись в конец. Только чтоб тебя не прям всё село слышало, а только наша сторона, ага? — мужик, что раньше расспрашивал Братимира про пчёл, со смешком хлопнул его по плечу.

Среди гостей, правда, не нашлось никого шире и громче Братимира — его и поставили кормчим[13]. Договорившись, удальцы разошлись вдоль верви. Велислав стал первым, в голове своей стороны.

Он крепко обхватил пеньковую вервь и пустил её под мышками. Он слышал, как сзади заканчивают построение, как Братимир кого-то поправляет, и смотрел вперёд — на стороне противника первым стоял коренастый светловолосый юноша. Велиславу подумалось, что он его сегодня ни единожды видел: и на торжище, и в сарае старосты. Быть может, это тот парень, что купил у него подвеску с кошачьей

[13] Кормчий — рулевой, ведущий, управляющий.

мордой в подарок избраннице.

— Так! Приготовились! — Староста отошёл от толпы, которая уже собралась на зрелище, и встал ближе к меже, окинув играющих строгим взглядом. — Начали!

Велислав сжал вервь так, что она неприятно впилась в его грубые ладони. Только согнул колени — и почувствовал резкий рывок вперёд. Ощутив внезапную тяжесть в плечах, а затем толчки, он не поддался вперёд — словно корнями войдя в землю, как молодое сильное дерево гнётся и не собирается ломаться — и держал на себе порывы противника, передавая за себя более чистое, ровное натяжение. Когда рывки стали слабее, он ещё не успел выбиться из сил и услышал раскатистый голос Братимира:

— Нога в ногу!

И сделал шаг назад.

Под счёт Братимира они тянули глухо, уверенно, не поддаваясь на хитрости селян.

— Шаг!.. Шаг!.. Эй, не суетись! Шаг!.. Не ломайте спины!

И тут Велислав почувствовал, что верёвку стало легче тянуть — противник устал. Точно услышав его мысли, Братимир усилил натиск:

— Шаг! Шаг! Шаг!

Межа ползла тягуче и неумолимо. И вот она прошла рубеж — староста выкрикнул: «Так!», — и сзади Велислав услышал низкий голос: «Отпустили!».

Повинуясь приказу Братимира, вервь ослабла. Велислав

почувствовал, как приятно гудят спина и колени, ноют и горят ладони, а пальцы медленно разгибаются. И, широко улыбаясь, обернулся. Радостные парни пожимали друг другу руки, хлопали по плечам со словами: «Ай, молодца!», — а потом пошли на противоположную сторону, чтобы поклониться соперникам. Те смеялись во всю, предлагая выпить вместе медовухи, а потом померяться силами на поясах.

Под низкий гогот до сипоты, дружные кричалки, под вязкий запах горечи и соли солнце неотступно, хоть и лениво, спускалось. Тени становились плотнее, удлинялись, а жара уже исходила не от пекла, а от разгорячённых схватками тел.

Медовуха в кружке звонко плеснула, когда Велислав покачнулся от глухого удара ладонью по спине, а его дух выбило, обрывая болтовню с Братимиром.

— Эй, резчик, запамятовал я сегодня поблагодарить тебя.

Из-за плеча Велислава вышел Иван — тот самый коренастый селянин, стоявший напротив в перетягивании верви. Они успели как следует познакомиться во время боёв: Иван смог повалить даже Братимира, который перед этим уронил всех друзей этого крепыша.

— Моей сердечной уж очень понравилась подвеска, она её аж сразу в волосы вплела. Думается мне, ночью она и через костёр со мной прыгнет, и до зари не даст мне остыть!

— Ишь, расхвалил, — Велислав почесал свободной рукой мокрый от пота затылок. — Главное, не сломай: а то за ночные подвиги я ответа не держу.

Поляна наполнилась общим смехом, грубоватым к вечеру и глубоким от хмеля.

— Ну ты даёшь! И руки золотые, и язык не лыком шит!

Велислав не успел и рта открыть, как Братимир хмыкнул:

— Эй, полегче, не накаркай! Хвала до беды доводит. Тебя сейчас след простынет, а нам потом кашу расхлёбывать.

— Буде, буде, Братимир. Я же…

— Хорош уже друг друга нахваливать! Лучше туда посмотрите! — подошёл Микула, небрежно пихнув Ивана, и показал пальцем в сторону реки.

Девицы порхали друг меж другом, хихикая и заливаясь песнями. Их звонкое многоголосье ключевой водой разливалось вдоль берега, пока они гадали с пышными венками. Одна красавица пустила горящий венок в реку — но он не захотел отплывать, закружился на месте, да тут же и сгорел. Безутешная бросилась на грудь к старшей, стыдливо закрывая пылающие щёки.

Владилена сощурилась, но не стала сочувствовать, и направила напористый соколиный взгляд на венок в своих руках. Ромашки и вьюнки хмеля, как и она сама, устали за день, но окончательно не завяли. Она кропотливо вплела лучинку между цветов, и подошла к маленькому костру. Выпавшие из косы пряди прилипли к помокревшей за день точёной шее, мягко очерчивая её изящный изгиб.

Девушка утомлённо выдохнула перед тем, как наклониться к огню. Пламя костерка решительно перекинулось на лу-

чину, и Владилена мягко проскользила к краю речки и присела на корточки.

По тёмному зеркалу плыло ровное, чистое пламя. Разгораясь, оно почти не тревожило воду, пуская лишь лёгкую рябь. Оно сулило девушке такую же ясную и спокойную судьбу да скорое удачное замужество. Перед тем, как совсем погаснуть, последний блик отразился в середине между берегами

Сзади к Владилене уже подбежали подружки с радостным стрёкотом, поглаживая её нежные запястья, да добродушно обнимая. Весь этот сорочий ворох обернулся, когда услышал ладный голос Ивана:

— Эй, девки! Хватит дурью маяться! Пошлите в ручеёк сыграем!

Он похлопал Велислава по плечу:

— Ну а что мы всё стоим, как бесприютные? Пошлите, играют все!

Девицы сразу слетелись к ним, выбирали себе пары, тихонько хихикали и в этой суе выстроились в ворота. Иван растянул улыбку и распорядился:

— Ой, девчушки у нас какие живенькие! И вы парни, не стойте столбами. Первым поведу я, — и подтолкнул Велислава, стараясь его расшевелить, но расторопней подвыпившего резчика оказался Братимир.

— Так и быть, позволим тебе нащеголяться вволю.

Братимир решительно схватил Велислава за руку и повёл

к образовавшемуся из девушек и парней проходу. Как требовали правила игры, они сомкнули ладони в замок и подняли их над головой, чтобы образовать свод.

Велислав сразу нашёл через две головы от себя немного растрёпанный, но тем даже более прекрасный светлый затылок. В волосах цвета пшеницы янтарные лучи играли с ветром, и юноше казалось, что до него доносится нежный ромашковый запах. Вдыхая, он приближал этот аромат. Он думал о том, что больше никому не подаст руки, что, наклонившись ступая по проходу, возьмёт её мягкую ладошку и утянет. Как они будут стоять, соединив руки в замок, а когда солнце спрячется за окоём, так и не расцепившись, прыгнут через очищающее пламя…

Все запели начало игры, и Велислав вместе с ними, но и это не отвлекло его от пахнущих ромашками грёз. И не отвлёкся он, когда Иван, на правах первого ведущего прошёл рядом, и широким плечом задел Велислава. Пару следующих длинных шагов Ивана он тоже не видел. Но затем время словно бы замедлилось, потекло, как еловая смола — и Велислав успел разглядеть каждое движение.

Иван остановился в двух шагах от него, поднял свою массивную руку и ухватил нежное запястье. Ласковые пальчики, не задумываясь, отпустили пальцы подруги. Когда Владилена присела, ромашковый ветер дохнул ещё сильнее. Коса упала с её наклоненного плеча, и подвеска в виде кошачьей морды заиграла в густо-жёлтых солнечных лучах. Мяг-

кий, шелковистый запах постепенно отдалялся. И совсем исчез, когда пара стала в начале прохода, поднявпереплетённые руки.

От взора скрылась потрёпанная коса пшеничного цвета — и ухнуло сердце Велислава, и пропало оно где-то внизу его живота. Вместе с ним и исчезли звуки: щебет птиц, смех, игровая песня — всё затихло, и юноша не знал, выходят ли у него слова, или рот открывается беззвучно.

В ушах у него гудело, когда он ощутил, что хватка брата ослабла. Рука безвольно опустилась, и он пусто посмотрел вслед Братимиру, который, пригнувшись, ступал за кем-то. Ноги понесли Велислава в конец ручейка, спина наклонилась, а как только взгляд уцепил первую юбку — рука поднялась и утянула девку за собой.

Когда нос вдохнул запах ромашки, стопы вросли, а глаза поднялись. За долгое мгновение Велислав увидел, как тепло Владилена улыбается, как смеётся и как смотрит на Ивана.

До алого окоёма Велислав стоял за руку с девицей, имя которой, если и услышал, то тут же забыл.

Глава 7. Не зная броду, не суйся в воду

Ручеёк к вечеру перетёк в хоровод, а тот разбежался на небольшие кружки уже хорошо опьяневшей молодёжи. Велислав, не поднимая глаз, поплёлся к бочкам с хмельным. Он кивал, почти не слушая, как Братимир болтает о девках, с которыми они сегодня стояли в парах. И не обратил внимания, когда тот заметил подавленное настроение брата и замолчал. Но здорово разобрал слова, которые Братимир произнёс следом.

— Тебе без нужды так кручиниться. Не стоит она ни тебя, ни твоей печали.

В одной руке Братимир держал чару, а на второй нервно потирал пальцы, бесцельно смотря в толпу перед собой. В уголках его глаз тревогой сошлись тени, и сейчас он выглядел болезненно старше своих ещё совсем юных лет. После искры, высеченной братом, тяжесть в груди Велислава разгорелась гневным пламенем. Раньше, чем успел обдумать, сквозь зубы он процедил:

— Помолчал бы лучше. Тебе-то все девки — что трава: сорвал, выбросил, нарвал новых. Не тебе меня учить, чего стоит любовь.

Братимир медленно перевёл взгляд на друга. Сразу не

найдясь с ответом, он сжал губы в тонкую нить и, потупив взгляд, кивнул.

— Ты прав, не мне тебя учить. Но это не значит, что я не ведаю, о чём говорю, — он убрал чару, отряхнул с себя пыль и вздохнул. — Пойдём отгуляем, а после Купалы ной, сколько хочешь.

Праздник разошёлся вовсю. Пляски с пьянством распалились не на шутку, а огонь главного костра собирал вокруг себя народ. Скоморохи горланили бесстыжие частушки, народ без стеснения подпевал да кружился. Детей разволокли по домам, наказав не высовывать носу — не к чему малышне сегодня узнавать, как гуляют старшие.

Побратимы подошли к небольшому огню, где, потягивая хмельное, мужики травили байки. Они присели на пенёк, вливаясь в разговор, от которого несло золой и выпивкой.

— Говорят, Леший сим лесом правит… Его вы Хозяином Леса кличете? — шатаясь, выпрашивал один из приезжих.

— Тьфу на тебя! Какой балбес тебе такую чушь донёс? — пнул его бородатый селянин. — Леший только мелкотнёй всякой ворочает: водяницами да лесовиками — чтобы Хозяину голову тем не забивать!

— А кто ж Хозяин тогда?

— Чернобог!

— Не зови его именем! Беду накличешь! — один из старших местных хорошенько треснул его по загривку и начал плеваться во все стороны.

— А не верю я, что имя его злое! Он же раньше нашим был!

— Каким таким «нашим»? — все гости, что слышали разговор, тут же навострили уши.

— Как это вы не знаете? Был он, значится, человеком раньше — да сгинул в том самом колодце, с которого всё село пьёт!

— Как сгинул, разве не он его выкопал?

— Ну так и выкопал, и там же сгинул!

— Ох, молодёжь, ничего вы не смыслите, кроме как к девкам приставать! А-ну, подвинься, — старший не выдержал да присел рядом, дабы опыт свой передать. — Да, колодец этот — один из глаз Хозяина, с него он за лесом да селом следит, да там он благости свои дарует.

Жил раньше в этих краях парень — видный такой, каждый мужик ему завидовал, да все девки на него вешались! А как сам он гулял, ой не горюй… Да дурёха одна не сдержалась от любви, да приворожила беднягу у того самого колодца.

Каждую ночь они встречались там да ворковали, пока ей самой то не наскучило. А он всё приходил, да приходил — пока умом не тронулся, да выкупил силу у богов. Покарал он девку и любовника нового её, а сам сгинул. С тех пор душа его лесу принадлежит, а сам он с того колодца смотрит, чащей правит да неверных ищет.

— Эво как!

— Ага! Бабы всегда так! — включился бойкий парень.

Мир вокруг Велислава раскачивался. Казалось, костёр был далеко, но жар от него горел в груди, а свет слепил в глазах. Голова гудела, а пламя в сердце поднималось с новой силой. И юноша решил выплеснуть свой гнев в то большое пьяное пятно, в которое расплылись лица мужиков.

— Пфф... — он громко выдохнул и, насколько смог, привстал. — Не может быть такой срани, а! Этот ваш Хозяин… у таких тварей сроду души не бывает!

— Эй-эй-эй! — Братимир резко дёрнул его за рукав, подняв и вытянув из круга, и зло прошипел. — Ты что несёшь! Хочешь, чтоб на тебя всех псов спустили?!

Мужики уже начали вставать, чтобы вправить разум выскочке, но Братимир махнул им:

— Не принимайте близко, братцы. Я его сам успокою, — и с кивками отвёл Велислава подальше.

— Да ты!.. Кого?.. Опять учить вздумал, да? Мелкий з…

Ноги резчика были, как войлок, и он на них почти не держался. Брат дотащил его до бочек, где народу поменьше, и дал чару воды.

— Ты с какого дуба сегодня упал? Или пчела тебя в задницу ужалила? Мало того, что против селян идёшь, так ещё и гнев Чернобога всё испытать желаешь?

— Да что б ты понимал!.. Да что они…

Мутный взгляд прошагал за Братимира и заметил там светловолосого коренастого парня. Велислав накренился

вперёд, неловко отпихивая брата в сторону. Пасечник по-медвежьи ухватил его, и чара с водой пролилась Братимиру на рубаху.

— Тьфу! Не вынести мне тебя сегодня.

— Ну и катись, больно мне надо!

Велислав поднял взгляд, ища глазами за плечом друга ту самую приземистую спину — но обидчика как ветром сдуло, и вокруг сновали лишь чужие тени. Не найдя, на ком сорвать злость, он лишь досадливо сплюнул и осел на бочки. Братимир громко вздохнул, прикрыв глаза рукой.

— Постой… побудь здесь. Я сейчас по нужде схожу и вернусь за тобой, — он уже сделал шаг в сторону, но тут же обернулся и строго посмотрел на брата. — Не ходи никуда, понял? Ни-ку-да.

Велислав кивнул, показав, что услышал, а Братимир надеялся, что он ещё и понял.

На лавочках сидели волхвы и старейшины, не очень уж следя за порядком, больше судача да распивая медовуху. Пока веселье мыкалось по траве, река была тиха и спокойна. В чёрной глади отражались огни, по ней плавали сухие листья и небольшие ветки. Лёгкая рябь уходила в сторону леса, течением унося с собой мелкий хлам к погружённой во мрак чаще.

Когда Велислав снова повернулся к лавке, Ждан только подбежал к ней и сходу начал что-то горячо рассказывать. Пожилые глубоко закивали и встали, с натугой выпрямив-

шись, скопом пошли через гулящую сутолоку, и взгляды один за другим цеплялись к ним.

Старейшины приблизились к Велиславу, и он встретил их уважительным, но равнодушным кивком:

— Будьте здоровы. Вы ко мне по делу какому?

— Да, хлопец, по нелёгкому, — буркнул староста, затем продолжил чётко и громко, чтобы слышно и дальним кругам. — Так! Силы нечистые забрали сельского коня! Этот юноша навлёк беду на село, ему и отвечать!

Позади нетихие шёпотки быстро переросли в гомон.

— А мы говорили, что добра не жди!

— Надо было его с дурнем куда подальше и отправить!

— Что ж теперь будет-то?!

— Так! — Ждан поднял руку, призывая к вниманию. — Раз уж юнец такой удалый, что всюду уже поспел, то и вернуть коня несложно ему будет!

Обвинение немыслимо потрясло Велислава, но спорить он не смел: сопротивление старшим навалило б ещё бóльшую вину.

— Марфа видела, как молодой муж в чёрном мятле увёл в чащу сельского коня!

— Это же Хозяин Леса!

— Сам Чернобог!..

— Тсс!

— Так! Беспорядков не устраивать! Юнец, Хозяин Леса в ответ на твой проступок решил село покарать — тебе и

отвечать. Иди в лес и забери коня, иначе не справиться нам в этом году с урожаем.

Велислав не знал, что и думать — неужто сегодня всё пошло против него? Словно мир и сам стал резвой кобылой, которая непременно должна его сбросить! Весь праздник пошёл кувырком, и выбора у него не было…

— Хорошо, я приведу его обратно, — он поставил кружку и, кивнув старшим, отвернулся к лесу.

— Конь молодой, вороной, в гриву ему девки синюю ленту вплели.

— Сомневаюсь, что в чаще я встречу много коней.

Велислав поплёлся от толпы, в которой всё продолжались пересуды, как его кто-то дёрнул за рукав. Он обернулся и через мутную пелену разглядел Бобыля, но взор того сейчас был собранным, строгим и даже почти осуждающим.

Дурень крепко ухватил его за предплечье и повернулся к народу. Голос его был низким и хриплым, как у старика, чётким, словно бы его язык этим вечером встал на место, и громким, чтобы его услышал каждый:

— Хозяин Леса сегодня благосклонен. В виде подарка для себя он забрал вороного коня, а селу в благодарность положена награда. Коли решитесь подарок этот забрать — в ответ получите голод и мор. А в лес кто сегодня ночью сунется, побеспокоив его — там навеки и останется. Коли же хотите гнев его унять и проститься по чести — не шлите ему людей, не режьте скотину, а оставьте у колодца, что тёрном сокрыт,

щедрую дань.

Бобыль с силой перетянул Велислава дальше от леса и грубо толкнул в толпу. Пошатнувшись, резчик удержался на ногах — от увиденного и услышанного они вросли в землю.

Он смотрел на Бобыля, чьи глаза постепенно начал застилать туман. Плечи дурня расслабились, опустились. Бобыль оглядел толпу растерянным взглядом, начал бормотать что-то невнятное, надрывное, и, спотыкаясь, убежал к домам.

Толпа ахнула, девки и жёны в страхе попятились, прикрывая лица, мужики замотали головами, кто-то нервно сплюнул через левое плечо. Духи говорили через дурного — перечить им никто не посмел, но косые, полные суеверного страха и скрытой злобы взгляды так и впивались в Велислава. Старейшины молча обступили парня, оттеснили от людей и пошли обратно к лавкам. Перешуганный народ ещё долго перебрасывался нервными шёпотами, косясь на парня, но было пора гнать скот через огонь. И, наспех прикоснувшись к оберегам, они снова затянули песни и пустились в пляс, старательно не глядя в сторону юноши.

Велислав, не смея присоединиться к толпе, которая только что его осуждала, уселся на колоду у реки и, потягивая хмельное питьё, ждал брата. От вида Бобыля, говорящего голосом старчего духа, ум его немного отрезвел, и теперь резчик сидел, со стороны оглядывая шумное скопище.

…за твоею спиной.

Воздух был пропитан дымом, разносящим по округе слад-

кий запах смолистой сосны и горечь полыни. Языки пламени падали, поднимались, извивались — высокие и низкие, от мелких костерков и главного костра, они укрыли поляну тайным тёплым светом, окружив тени резвящихся селян. Огонь своим громким, частым треском подпевал под дружные купаленки. Словно бы меж людей, утром благословлённых жарой и омытых дождём днём, сейчас, ночью, плыл маревый[14]призрак, горячий и копотный, обволакивал собой и не давал остановиться веселью.

Велислав посмотрел на бочки — на них снова сидел ворон. Тот же или нет — юноша знать не мог, но он опять чувствовал, как они встретились взглядами. Это не продлилось долго — какой-то пьяный вусмерть детина побежал к птице, кренясь и размахивая руками, упал на бочки и спугнул ворона. Чёрные перья тут же скрылись в темноте летней ночи, будто они всегда были осколками этого мрака.

Река оставалась всё такой же тихой. Сейчас её зеркало было темнее, отражение искр в её зыби становились отблесками кочегарского пламени в густой смоле. Велислав смотрел на реку — и не видел воду там, где была вязкая чернота, шепчущая печальные слова обратно веселью на берегу.

Раз не было ему места среди праздника — он пошёл разделить печаль с рекой. Ноги он волок не спеша, отдавая этому таинству каждый свой вдох и шаг. Когда его порты[15]стали тя-

---

[14] Маревый — туманный, дымчатый.

[15] Порты — штаны.

жёлыми от воды, он думал, что сейчас она очистит его, заберёт все печали, утянет вместе с собой тоску, смоет все ошибки. Когда он почувствовал холод выше пупка, — мечтал о прохладе для опалённого болью сердца. Когда вода нежно защекотала его шею, он услышал…

— Велислав!

Голос Братимира донёсся, разрезая тьму, откуда-то издалека. Велислав обернулся на зов и увидел брата, бегущего к нему, протянув руки, с выражением животрепещущего ужаса на лице. Резчик хотел сказать, что всё хорошо, что река омоет его и заберёт всё плохое, но со вздохом его горло наполнилось водой. Нога скользнула по дну, вторая не смогла найти опоры. Рот открывался в немом крике, заглатывая всё больше и больше чёрной смолы, утягивающей его вниз.

Последнее, что Велислав почувствовал — как мелкие когти, точно лапы ворона, пытаются схватить его за волосы, вытянуть из зыбучей пучины, и тщетно проскальзывают по его затылку. Всё перемешалось, и Велислав уже не чувствовал ни дна, ни воды, ни своего дыхания.

Глава 8. Пуганая ворона куста испугается

Вода дарует жизнь корням,
Река влечёт к немым краям,
Куда зерну судьба укрыться с глаз.

Что-то тонкое воткнулось в бок, и боль постепенно вывела его из забытья. Велислав очень медленно просыпался: сначала он ощущал только покалывание в рёбрах, потом сырую землю под щекой и тяжесть собственного тела, распластанного ничком. Одежда была мокрой, тяжёлой, и противно облепила тело. Лицо же вовсе казалось чугунным, и Велислав медленно выныривал из мрака, не открывая глаз.

Следующая пара тычков досталась бедру. Кто-то нетерпеливо толкал Велислава палкой, проверяя, жив ли он. Юноша же пока сам этого не понял, потому и не дёргался в ответ. Вокруг шумно переворачивались листья, словно перешёптываясь.

Он попытался глубоко вдохнуть, расправив грудь — и резко закашлялся, выплёвывая остатки засевшей в глотке воды. Опершись на предплечье, превозмогая тугую боль во всём теле, Велислав приподнялся и сел. Он едва разлепил веки, как в глаза немедленно ударил ослепительный блик. На мгновение в сознании не осталось ничего, кроме обра-

за огромного белого шара, который на самом деле оказался невиданно яркой луной. Под её сиянием всё было видно, как днём — только в отличие от жёлтого солнца, она всё озаряла холодным, суровым светом. Тени стали резче и насыщеннее. Теперь предметы словно не отбрасывали их, а сами выступали из глубины студёного мрака.

Велислав с силой протёр лицо руками, надавив на глазницы грязными пальцами, и снова попытался осмотреться. Рядом никого не было, но слышались шелест травы и тихие, мелкие перетаптывания. Он измученно моргал, медленно поворачивая голову то в одну, то в другую сторону.

Сзади, примерно в сажени[16], тянулась река, полная вязкого ила. Велислава поразила страшная мысль, что это волосы и кожа заложных[17], не сумевших вернуться из огромной чащи, переплелись в сплошную вязкую массу, текущую через весь лес.

Впереди же, как и на другом берегу, чёрной стеной выстроился густой, нескончаемый лес. Тёмные стволы деревьев тянулись вверх, к луне, безразлично наблюдавшей за всем, что происходит под её светом. Призрачные серебристые полосы подсвечивали тусклое покрывало мха. Среди густой травы нельзя было увидеть ни одной тропы: ни людской, ни

---

[16] Сажень — около 2,13 м.

[17] Заложные покойники, заложные — те, кто умер «не своей» или «неправильной» смертью (убитые, утопленники, самоубийцы, умершие от пьянства или проклятые).

звериной.

Среди недвижимых чёрных полос виднелась белая фигура. Она таяла белёсым пятном во тьме… кто-то худой, с длинными седыми волосами и светлыми одеждами был в отдалении. Образ расплывался густым маревом, будто на ресницах ещё осталась вода. Велислав покачнулся и прищурился в попытке присмотреться — и призрак исчез, оказавшись лишь сновидением ослабевшего разума.

Он стремительно встал. Он точно должен найти путь домой. Раз уж в мёртвой воде не сгинул — значит, ему суждено выжить.

Решая, куда же держать путь, Велислав переминался с ноги на ногу. С рубахи всё ещё капала вода, онучи промокли насквозь, а лапти отвратительно чвякали. Впрочем, холод не пробирал — ночь была тёплой после дневного зноя. Ветер же не пронизывал и не пробегал сквозь деревья — он лишь лениво перетекал меж мрачных стволов, обволакивая теплом.

Велислав ненароком наступил на сук — он хрустнул, оборвав мёртвую тишину леса. Треск напомнил юноше о незнакомце, пытавшемся его разбудить — и, видимо, решившим, что Велислава уже не спасти. Из теней высокой травы, близко к другому концу сука, выглядывали пышные, как самые мягкие подушки, шляпки грибов. Каждая из них — не меньше двух вершков[18]. Хлопец, множество раз ходивший по грибы вместе с братом, даже в ночной тьме узнал молодые бо-

[18] Вершок — около 4,5 см.

ровики.

— Можно и собрать парочку, червячка заморить по пути… — просипел он, не выдержав долгого безмолвия, и потянулся к одному из грибов.

Стоило ему наклониться, как снизу раздалось беспорядочное, нервное шуршание, хриплый писк, похожий на слова:

— Червяка? Какого червяка?! Бежим, братцы, у него червяки!

Велислав замер, провожая взглядом быстро убегающие в лесгрибы. Силы чуть не покинули юношу, ноги стали вялыми, как ободранный войлок, и он медленно выпрямился.

Мотая головой, он попытался стряхнуть с себя этот дурман. Под холодным, дурным светом полной луны могло почудиться и не такое. Но в груди проснулось лихое [19]чувство — страшное желание пойти за видением, узнать, куда оно прошелестело.

И Велислав, крадучись, пошёл к деревьям.

Шагая по траве, казавшейся сивой[20], он прислушался — и понял, что гробовая тишина леса ему не чудилась. Ни крика птицы, ни шороха зверя. Лишь густой, неспешный ветер полз меж деревьев. Поистине страшная ночь.

В этой глуши хлопец как нельзя лучше расслышал быстрые шорохи и визгливые перешёптывания. Продвигаясь к

---

[19] Лихой — в отрицательной окраске — губительный, тяжкий, опасный.

[20] Сивый — седой, серебристый.

ним, Велислав постепенно всё чётче и чётче разбирал выступающие из шелеста травы слова:

— Давно, давно тут никого не было, — бурчал надсадный голос.

— С недобрыми намерениями он сюда пожаловал! Вы слышали? Слышали? Червяков принёс! Ой, братцы-братцы… — выпаливал на одном дыхании тонкий, захлёбывающийся писк.

— Где ж это видано! Хозяин всех червей с нашей поляны втагода[21] убрал, а этот подлец новых принёс! Где это видано! — недовольно бормотал кто-то.

— Червяки-червяки-червяки!.. — хором начали повторять грибы, трясясь от нескрываемого ужаса. Если бы юноша не вслушивался до боли в ушах к их словам, то разобрал бы лишь шелест нервно переворачивающихся листьев.

Велислав, стараясь утихомирить разбушевавшееся сердце, присел за деревом, стараясь приблизиться к говорливым шляпкам да рассмотреть их хорошенько.

— И что же, что же будем делать? — тот, что поменьше, дрожал сильнее всех.

— Будем выдворять! Выдворять надо тех, кто несёт червей лесовикам! Выдворять! — бормотал тот, что помясистее.

Под пухлыми шляпками юноша разглядел крошечные, пухленькие ручки, будто у новорождённого, которые беспо-

[21] Втагода — когда-то, очень давно.

койно молотили в разные стороны. Взгляды больших глаз утыкались в землю, а очень коротенькие даже для таких маленьких телец ножки суетливо топотали. Из глубоких складок, обрамляющих тучные фигурки, торчали мелкие ветки, травинки, кусочки мха.

— Не сможем мы его выдворить… — с натугой тянул лесовик с неровной шляпкой. — Не сможем, не сможем. У него же… кх-кх…

Стараясь прислушаться к словам, что тяжело выдавливал из себя лесовик, Велислав наклонился ещё ниже. Покачнувшись, он задел сухую кору дерева, и её кусочек с треском отвалился.

— Он несёт червяков! Бежим, бежим, братцы! — зашелестели лесовики и побежали невиданно быстро для их коротеньких ножек.

— Стойте! Подождите! Нет у меня червяков! — спохватившись, выпалил Велислав. Он подскочил, чуть не клюнув носом, и помчался вслед за лесовиками.

Юноша бежал, перепрыгивая через кочки и натыкаясь на коряги. Коротышки же знали здесь каждую пылинку и неслись так проворно, что Велислав чудом не терял их из виду. Дыхание сбивалось, в груди ещё саднило от воды, но он постепенно сокращал расстояние между ними.

— Не бегите! Я не…

Ворот рубахи зацепился за большой сук, и, сделав шаг, Велислав сразу опрокинулся назад, больно приземлившись.

— Ай, вот те…

— Пущевик, пущевик! Братец, спасай, у него червяки-и! — слышался отдаляющийся писк.

— Что за…

Он обернулся на скрип. Сук, что дёрнул за воротник, покачнулся, а куст орешника, из которого он торчал, со скрежетом зашатался. Ветви раскрылись, словно рёбра медведя, пара сухих листьев слетела на землю — слишком тихо, слишком мирно для зрелища, которое предстало глазам Велислава.

Куст медленно переступал с корня на корень — как кожевник, только окончивший выделку шкур, разминает одеревеневшие ноги тяжёлыми, шаркающими шагами. Он распрямился, обнажив сплетения ветвей, напоминающих тело сильного мужчины. Он вытянулся, став на целый аршин[22] выше юноши. Он расправил сучья, будто плечи его затекли после вековой неподвижности.

От страха Велислав судорожно впился пальцами в землю, стараясь не провалиться ещё глубже. В ужасе он брыкался, словно жук, перевёрнутый брюхом кверху проказливым мальчишкой. Но как только он увидел, что ветви — огромные, кривые ладони — тянутся к нему, юноша подскочил и понёсся, куда глаза глядят. Спотыкаясь, поскальзываясь, задыхаясь и дрожа, он стремглав мчался в

[22] Аршин — около 0,71 м.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.